

Чарльз Дарвин, вивисекция и история викторианской науки

Н.Е. БЕРЕГОЙ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; beregoi@mail.ru

Проблема вивисекции — это отнюдь не второстепенный сюжет в истории науки XIX столетия. Роль Чарльза Дарвина в этой истории — ключевая. В начале 1870-х гг. в Англии разразилось то, что многие историки называют «антививисекционной лихорадкой». Дарвин отказался подписать петицию против вивисекции, поскольку система лицензирования, предложенная антививисекционистами, показалась ему слишком ограничивающей свободу исследований. Настроенный работой, Дарвин сел за составление встречной петиции. О том, как сильно он был увлечен этой работой, говорит его обширная переписка на тему вивисекции в этот период. Из писем видно, что в 1875 г. — когда шла предварительная работа по законопроекту, Дарвин отослал 22 письма и получил 19 писем, в которых обсуждалась тема вивисекции. Следующим годом, когда уже работала Королевская комиссия, а затем и закон был принят парламентом, датировано всего 5 писем, связанных с полемикой: 2 письма к Дарвину и 3 написанных им. В ноябре 1875 г. он дал свои показания Королевской комиссии по изучению вопроса о вивисекции, которые были занесены в протокол. Вплоть до самой своей смерти Дарвин был втянут в дебаты о вивисекции. Из последнего письма на эту тему, отправленного в феврале 1882 г., мы видим, что мнение Дарвина не изменилось: «нужно защищать животных, не нанося при этом вред науке».

Ключевые слова: Чарльз Дарвин, вивисекция, физиология, парламент, Королевская комиссия по вивисекции, прогресс науки.

18 апреля 1881 г. в Таймс напечатали письмо¹, обращенное к Фритьюфу Холмгрёну, профессору Упсальского университета, за подписью Чарльза Дарвина. Написано оно было 14 апреля в ответ на письмо Холмгрёна с просьбой высказаться о вивисекции. Дарвин не возражал ни против того, чтобы выразить свое мнение об опытах на животных, ни против того, чтобы письмо было опубликовано.

«...Всю свою жизнь я страстно выступал за гуманное обращение с животными и сделал все, что мог, в своих книгах, чтобы придать вес этой человеческой обязанности. Несколько лет назад, когда в Англии началась агитация против физиологов, утверждали, что здесь в нашей стране всю практикуют негуманное обращение с животными и причиняют им бессмысленные страдания. И это подвело меня к мысли, что, возможно, было бы целесообразно иметь парламентский Акт на эту тему. Затем я принял активное участие в попытках провести закон, который бы удовлетворил все разумные претензии и в то же время не связал бы руки физиологам в их исследованиях. Тот закон сильно бы отличался от того, который был принят и действует по сей день... <...> Что до меня, то позвольте заверить Вас, что я уважаю и всегда буду уважать любого, кто продвигает вперед великую науку физиологии» (Life..., 1887, vol. III, p. 205–206).

Это письмо примечательно во многих отношениях. В нескольких строчках оно содержит большой пласт информации, интересной и для историка науки в широком смысле, и для историка, изучающего биографию Чарльза Дарвина. Из письма становится ясно, во-первых, что в Англии во второй половине XIX века был принят парламентский закон, регулирующий деятельность физиологов, а именно лабораторные исследования с использованием животных. Во-вторых, что этот закон не устраивал ученых, и в част-

¹ Это и все последующие письма, использованные в статье, приведены в переводе Н.Е. Берегой.

ности Дарвина, который, как мы видим, в-третьих, сам принимал непосредственное участие в разработке законодательства в этой области. Не менее интересен и тот факт, что письмо написано уже после принятия закона, а, следовательно, дебаты не прекратились, и, значит, оппозиция научным исследованиям тоже не была удовлетворена законом, а Чарльз Дарвин не прекратил участвовать в этих дебатах. Ну и самое последнее, но не менее важное для нас, — это то, что письмо дает нам представление о двух чертах характера Чарльза Дарвина: его любви к животным и его любви к науке. Любви Дарвина к животным стоит посвятить отдельное исследование, а сейчас хотелось бы остановиться на втором пристрастии нашего героя, ведь именно оно заставило Дарвина втянуться в то, что Джанет Браун назвала «последним большим медицинским скандалом века» (Browne, 2002, p. 418), а именно — в полемику о вивисекции.

Проблема вивисекции — это отнюдь не второстепенный сюжет в истории науки XIX столетия. Вряд ли этот сюжет можно разобрать в одной статье, и мы не будем этого делать. О роли антививисекционных выступлений в истории физиологии, или биомедицинской науки, как ее называют в зарубежной историографии, написаны тома (из исторических исследований на эту тему можно выделить: French, 1975; Turner, 1980; Rowan, 1984; Vivisection..., 1987; Desmond, 1989; Bynum, 1994; Victorian Science..., 1997). Примечательно, что все эти работы по истории викторианской науки или антививисекционного движения включают главу о роли Дарвина в дебатах. В то же время практически все наиболее подробные биографические работы о Дарвине приводят историю с полемикой об опытах на животных (Ирвин, 1973; Bowlby, 1992; Desmond and Moore, 1994; Browne, 2002). Все это указывает на то, что роль Чарльза Дарвина во всей этой истории с антививисекционными биллями и протестом научного сообщества — ключевая. И не только потому, что Дарвин был частью научного мира и человеком, чей вес в обществе и в общественном мнении был очень велик, но и потому, что отчасти аргументы партии, противостоявшей Дарвину и его друзьям, были почерпнуты из тех самых теорий, которые Дарвин предложил миру, и которые этот мир изменили раз и навсегда.

Книга Дарвина «Происхождение человека», изданная в 1871 г., развенчала убеждение о том, что человек и животные различны по своей природе, и дала прекрасные аргументы тем, кто направил все силы на защиту животных от жестокого с ними обращения. Ведь если человек и животные имеют общее происхождение, то, значит, знаменитый вопрос Иеремии Бентама «а могут ли они страдать?», задуманный им в 1789 г. (см.: Бентам, 1998) получил однозначный ответ. А если животные способны страдать, то вовсе не удивительно, что среди викторианцев нашлось немало пострадавших им. Тем более, что почва для движения была подготовлена. Точка зрения, что животные не отличаются от человека, появилась за много лет до «Происхождения человека». Притчи об уме зверей, их преданности, альтруизме и родительской заботе были стары как мир и в первой половине XIX века стали снова популярны. Представления о том, что и в людях бывает звериная грубость, бытовали благодаря рассказам путешественников о диких племенах на открытых новых землях. Таким образом, дарвинизм был торжественно явлен миру в тот момент, когда некоторые люди уже начали заполнять концептуальный пробел между человеком и животными (Ryder, 1989, p. 157). Поэтому скандал вокруг вивисекции и занимает такое важное место в истории викторианской науки, что он показал связь этой науки с обществом во всем многообразии аспектов социальной и когнитивной истории.

Тем не менее, среди работ по истории дарвинизма и британской науки XIX века на русском языке мы вообще не встречаем упоминаний об этом сюжете. А в советской историографии находим лишь вскользь сделанные описания в комментариях к публикациям избранных писем и дневников Дарвина. Надо сказать, что, помимо идеологических ис-

кажений, эти комментарии грешат и фактической неточностью. Так, например, А.Е. Гайсинович в коротком пояснении к избранным опубликованным письмам² Дарвина пишет, что в парламент было внесено несколько законопроектов, запрещающих вивисекцию (Дарвин, 1950, с. 356). Как мы увидим из истории, ни один из предложенных проектов не содержал предложений о полном запрещении использования животных в научных опытах. Даже те проекты, которые были разработаны представителями обществ защиты животных, предлагали только лишь способы регулирования практики вивисекции. Однако любопытным местом в комментарии является заключительная фраза, где А.Е. Гайсинович пишет: «В переписке Дарвина вопросам, связанным с вивисекцией, посвящено довольно много писем, характеризующих ханжеские нравы, царящие в английском обществе» (там же, 1950, с. 357). Отбросив идеологическую сентенцию про ханжеские нравы, мы получим информацию о том, что Дарвин вел большую переписку по данному вопросу, а значит, был серьезно вовлечен в эту полемику. О том, какую позицию занимал Дарвин в полемике, советский читатель мог бы узнать из другого комментария, сделанного профессором С.Л. Соболев к опубликованному в 1957 г. на русском языке дневнику работы и жизни Дарвина за 1838–1881 гг. В очень коротком примечании мы читаем о том, что Дарвин «выступил вместе с рядом выдающихся английских биологов и врачей против антививисекционистов» (Дарвин, 1957, с. 244). Кстати, и здесь фактическая неточность. В переводе записи, относящейся к ноябрю 1875 г., указано, что Дарвин выступал в Комиссии по вивисекции 4 и 5 ноября, а из документов самой Комиссии видно, что показания Дарвин давал только в один день — 3 ноября 1875 г. (Royal Commission, 1876, p. 233).

История, предшествовавшая выступлению Дарвина перед Королевской комиссией, уходит корнями в самое начало 1870-х гг., когда в Англии разразилось то, что многие исследователи называют «антививисекционной лихорадкой» (Rachels, 1991, p. 214). Друг и товарищ Дарвина Т.Г. Гексли³ в свойственной ему острой манере говорил, что само слово «вивисекция», которое применялось ко всем без исключения опытам, независимо от того, резали в них ножом или нет, вызывало у многих помрачение рассудка (Life..., 1900, vol. I, p. 427). Сам Гексли, будучи президентом Британской ассоциации за прогресс науки, еще в 1870 г. подвергался резким нападкам за то, что высказался в защиту французского физиолога Браун Секара и в 1871 г. инициировал создание специальной комиссии для составления правил проведения экспериментов на животных и сбора доказательств в пользу допустимости этих экспериментов. Некоторые считают, что свод правил, содержащихся в резолюции Британской ассоциации, довольно хорошо регулировал проведение опытов на животных (Browne, 2002, p. 419). Тем не менее, британские физиологи столкнулись с враждебным отношением к себе не только со стороны общественности и сентиментально настроенных кругов, но и со стороны практикующих врачей, клиницистов, многие из которых несколькими годами позже подписали меморандум против вивисекции. Вопрос об авторитетах в науке — старой школы сравнительной анатомии и нового экспериментального направления — подливал масла в огонь, разоженный деятелями Королевского общества предотвращения жестокости к животным (RSPCA⁴) (Desmond, 1989, p. 190).

Уже тогда этот вопрос привлек внимание Дарвина, потому что его мнением, как мнением биолога и национального героя, интересовались все стороны конфликта. Наи-

² См. примечание 390 к письму Дарвина к Дж. Роменсу от 29 мая 1876 г.

³ Фамилия дана в общепринятой в СССР и России транскрипции; более точно было бы — Хаксли.

⁴ Royal Society for Prevention of Cruelty to Animals. Первое в мире общество защиты животных от жестокого обращения, основано в Лондоне в 1824 г.

более широко известно и цитируемо письмо Дарвина профессору Эдвину Рэю Ланкестеру от 22 марта 1871 г.:

«Вы спрашиваете моего мнения о вивисекции. Я вполне согласен, что она допустима в настоящих исследованиях по физиологии; но только не для одного лишь проклятого и отвратительного любопытства. Эта тема приводит меня в ужас, поэтому я больше не скажу ни слова, а то не смогу уснуть сегодня» (Life..., 1887, vol. III, p. 200).

Фрэнсис Дарвин (сын и первый биограф Чарльза Дарвина) пишет, а вслед за ним повторяют и многие исследователи, что антививисекционная агитация стала особенно активной в 1874 г. Действительно, термин «вивисекция» внезапно заполнил страницы многих периодических научных изданий и журналов разного характера. Толчком к этому послужил ряд событий. Джон Бурдон Сандерсон, работой которого восхищался Чарльз Дарвин, и с которым он позже вел большую переписку, опубликовал в 1873 г. учебник «Руководство для физиологической лаборатории», из которого читателям стало известно о методах обучения молодых экспериментаторов, что вызвало у многих негативную реакцию. Апогеем же стала история, произошедшая на Конгрессе Британской медицинской ассоциации, проходившем в Норвиче в 1874 г. Критике снова, как и в случае с Браун Секаром, подверглось поведение французских вивисекторов. Британская медицинская ассоциация позволила Магнану⁵, бывшему ученику Ф. Мажанди, продемонстрировать опыт по изучению влияния алкоголя на организм, который заключался во вскрытии собаки, в организм которой предварительно был введен абсент. Этот опыт шокировал английских коллег. Собрание закончилось взрывом беспорядков, и против французского невролога Магнана было заведено дело в суде.

Инициатором судебного разбирательства стало RSPCA, а свидетелем был вызван сэр Уильям Фергюссон, участник этого конгресса, член Королевского общества, королевский лейб-хирург, который описал «ужасную науку, стенания собак и их агонию» (цит. по: Ryder, 1989, p. 106). Процесс велся в соответствии с поправками 1849 г. к закону от 1822 г.⁶ Дело развалилось, так как Магнан быстро сбежал в свою страну, но события по-

⁵ Джанет Браун (Browne, 2002) утверждает, что это был Валентин Магнан, а не Юджин Магнан, как написали в Британском Медицинском журнале в 1875 г. (British Medical Journal, 1875, vol. 2, p. 741–754).

⁶ Акт о жестоком обращении с животными 1849 г. — это был Акт Парламента (12 & 13 Vict. c. 92), который полностью назывался «Закон о более эффективном предотвращении жестокости к животным». Этот Акт аннулировал два предыдущих акта, а именно Акт от 1822 г. о жестоком обращении со скотиной и Акт о жестоком обращении с животными от 1835 г. В нем повторились все пункты жестокого обращения: избиение, оставление без лечения, слишком быстрая езда, унижение и пытки, — и были введены максимальный штраф 5 фунтов и компенсация за причиненный ущерб до 10 фунтов. Этот Акт был расширен и дополнен поправками в Акте о жестоком обращении с животными 1876 г. Акт о жестоком обращении с животными 1876 г. — это Акт Парламента (39 & 40 Vict. Public Acts, c. 77), который наложил ограничения на проведение экспериментов на животных, введя систему официального лицензирования и тем самым дополнив Акт 1849 г. Его полное название: Акт, дополняющий Закон, относящийся к жестокому обращению с животными (15 августа 1876 г.). Этот акт спустя 110 лет был заменен на Акт от 1986 г. о животных в научных процедурах. Суть поправок к Акту 1849 г. состоит в следующем: любой, кто проводит или принимает участие в проведении любых экспериментов, в которых подразумевается причинение боли, в нарушение этого Акта, будет признан виновным в его нарушении. На него будет наложен штраф; если это первый случай нарушения, то не более 50 фунтов, а если это второй или любой последующий раз, то по усмотрению суда, который ведет дело, будет наложен штраф, не превышающий 100 фунтов, или же он будет подвергнут тюремному заключению на срок, не превышающий 3-х месяцев.

Рис. 1. Дарвин и белки. Перепечатано из книги: *Holder Ch. F. Charles Darwin: his life and work.* NY; London, 1891. Автор гравюры — Мередит Наджент (Meredith Nugent)

лучили широкую известность. Вследствие этой шумихи на арену борьбы с вивисекцией снова вышла известная деятельница викторианской эпохи феминистка и писательница Фрэнсис Пауэр Кобб, которая раньше уже была инициатором конфликта, связанного с деятельностью физиолога Морица Шиффа в его лаборатории в Италии⁷. Спустя 10 лет после ее меморандума по делу Шиффа она написала второй меморандум о возрастающем числе опытов, проводимых в Англии, ссылаясь на дело Магнана. Этот меморандум подписали 78 практикующих врачей, многие пэры и священники и такие выдающиеся викторианцы, как кардинал Маннинг, лорд Шефтсбери, Джон Брайт, Томас Карлайль, Альфред Теннисон, Джон Раскин и Роберт Браунинг; последний писал: «Я лучше приму смерть, чем позволю мучить собаку или кошку, чтобы избавить меня от приступов боли» (цит. по: Cobbe, 1894, vol. 2, p. 16).

В январе 1875 г. Ф.П. Кобб представила свой меморандум совету RSPCA. Был создан подкомитет, в котором Джон Колам начал собирать свидетельства о болезненных экспе-

⁷ Подробно этот сюжет описан в статье, посвященной истории экспериментальной физиологии во Флоренции и Морицу Шиффу (Guarnieri, 1987).

риментах из источников, опубликованных в научных журналах. Как раз в эти дни в газете «Morning Post» напечатали письмо бывшего ученика Клода Бернара — доктора Джорджа Хоггана⁸. Письмо произвело еще более глубокое впечатление на общественность. Воспользовавшись этим, Кобб начала активно готовить проект закона об ограничении вивисекции, и в этом ей помогал Ричард Хаттон, редактор журнала «Spectator». Заручившись поддержкой бывшего министра внутренних дел Роберта Лоу и лорда главного судьи Коулриджа, Кобб удалось с помощью лорда Хартисмера представить 4 мая в Палате лордов «Билль для регулирования практики вивисекции». А через неделю, 12 мая, другой билль на ту же тему был представлен в Палате общин членом парламента Лайоном Плейфером. В результате, из-за того что было представлено два противоречащих друг другу билля, правительство решило назначить Королевскую комиссию для подробного изучения вопроса. Комиссия собралась в начале лета 1875 г. под председательством вице-президента RSPCA лорда Эдварда Кардуэлла; второй вице-президент Общества, член парламента В.Е. Фостер, тоже вошел в состав комиссии. Кроме того, там были еще лорд Винмарли и член парламента Дж.Б. Карслейк, а научное сообщество было представлено профессорами Т.Г. Гексли и Эриком Эрихсенем.

По поводу своего участия в этой работе Гексли писал Дарвину 5 июня 1875 г. из Эдинбурга: «Намечается комиссия, а это все, что нужно, чтобы выиграть время и позволить нынешнему безумию слегка стихнуть. Я клянусь, что больше никогда не стану членом ни одной комиссии, но сдаюсь мне, я войду в состав этой» (Life..., 1900, vol. I, p. 438). Не случайно Гексли так возбужден и обсуждает с Дарвином этот вопрос. Именно Дарвин был инициатором подготовки билля, который был представлен Плейфером, а затем отозван. А начиналось все с петиции, которую Чарльз Дарвин составил и разослал всем своим знакомым, как только узнал о том, что антививисекционисты готовят свой законопроект и собираются его представить в парламенте через лорда Хартисмера.

Дарвин был хорошо знаком с Ф.П. Кобб, и о ее намерениях он узнал из петиции, которую она прислала ему на подпись, и которую он не только не подписал, но и сразу сел за подготовку встречного документа. Это произошло в самом начале 1875 г., так как уже 4 января он писал дочери Генриетте, стороннице антививисекционной партии:

«Твое письмо привело меня к размышлениям о вивисекции... <...> Я думал несколько часов и набросал бегло свои выводы, которые тебе покажутся неудовлетворительными... <...> Если будет принят суровый закон, а это вероятнее всего, учитывая как ненаучна наша палата общин, и что британские джентльмены гуманны только пока не затронут их спорт, причиняющий в сотню, а то и в тысячу раз больше страданий, чем опыты физиологов, — если такой закон будет принят, то это приведет к тому, что физиология, которая до последнего времени в Англии была в простое, совсем увянет, а то и сойдет на нет. Тогда ею будут заниматься только на континенте, и работающих в этой области станет намного меньше, о чем я мог бы только сожалеть... <...> Я пока не думаю, что мог бы подписать какую-либо петицию, не услышав сперва, что физиологи думают о ее последствиях, и не составив потом своего суждения. Я точно не мог подписать бумагу, присланную мисс Кобб, с ее ужасными (как мне кажется) нападкамии на Вирхова за его опыты с трихиной» (Life..., 1887, vol. III, p. 202–203).

Дарвин отказался подписать петицию против вивисекции, поскольку система лицензирования, предложенная антививисекционистами, показалась ему слишком ограничивавшей свободу исследований. Его встревожили условия документа, по которому

⁸ Morning Post. 1875. 1st February.

выходило, что ученому нужна будет лицензия, чтобы работать дома, а ведь это в то время был весьма распространенный способ проведения исследований. В то время во всей стране только несколько больниц выделяли помещения под проведение медицинских исследований — Университетского колледжа, Св. Варфоломея, Гая, Св. Томаса. Точно так же и университеты не понимали этой новомодной тяги к устройству лабораторий для изучения крови, мышц или нервов, хотя Гексли и дал этому течению многообещающее начало в Саут Кенсингтоне. Поэтому врач, питающий симпатии к экспериментальной работе, был вынужден обустроить комнату в своем доме под небольшую лабораторию, ориентированную на микроскопические или химические исследования — исходя из его предпочтений (Browne, 2002, p. 419). Дарвин, настроенный решительно, сел за составление встречной петиции, чтобы «защитить не только животных, но и науку физиологии». Его друзья из физиологов были ошеломлены таким усердием с его стороны, однако они с энтузиазмом восприняли его начинание. Все они подписали петицию, как только получили ее по почте. И хотя реакция на его петицию была положительной, в частности Дж.Д. Гукер⁹ — президент Королевского общества — подписал ее, Дарвин все же считал разумным подготовить еще и билль для предложения в парламенте.

О том, как сильно Дарвин был увлечен этой работой, говорит его обширная переписка на тему вивисекции в этот период. Из писем, опубликованных Фрэнсисом Дарвином и неопубликованных, находящихся в разных архивах, видно, что в 1875 г., когда шла предварительная работа по законопроекту, Дарвин отослал 22 письма и получил 19 писем, в которых обсуждалась тема вивисекции. Следующим годом, когда уже работала Королевская комиссия, а затем и закон был принят парламентом, датировано всего 5 писем, связанных с полемикой: 2 письма к Дарвину и 3 написанных им.

Начиная с апреля 1875 г. в его переписке очерчивается круг постоянных корреспондентов, в числе которых — Т.Г. Гексли, Дж. Бурдон Сандерсон, Ричард Личфилд (юрист, муж Генриетты, дочери Дарвина) и Лайон Плейфер. Дарвин также не стеснялся пользоваться своим положением и писал, чтобы заручиться поддержкой, лорду Дерби и министру внутренних дел Р.А. Кроссу.

Так, например, 11 апреля 1875 г. Дарвин писал Сандерсону, что нужно устроить встречу с министром, и лорд Дерби подойдет для этих целей, и «если наш билль пройдет, то нам не о чем беспокоиться»¹⁰. А уже 15 апреля Дарвин пишет Эдварду Смиту Стенли, лорду Дерби о том, что он помогал ведущим физиологам страны готовить черновик закона о вивисекции, и он очень надеется, что лорд Дерби поддержит этот билль и упомянет о нем в кабинете министров. Дарвин упоминает в этом письме, что слышал, будто и другие группы лиц готовят билль на ту же тему, и снова высказывает мысль, которую он повторяет слово в слово в каждом своем заявлении, о том, что «необходимо защищать не только животных, но и науку физиологию»¹¹. На это лорд Дерби ответил 17 апреля, сообщив, что он горд тем, что Чарльз Дарвин выбрал его посредником для общения с правительством, и что билль ученых о вивисекции уже передан в руки министра внутренних дел¹².

Билль, представленный в парламенте Плейфером, как оказалось, не был тем самым биллем, черновик которого Ричард Личфилд разработал по просьбе Дарвина. Плейфер настойчиво предлагает сделать более гуманную преамбулу к законопроекту и все более

⁹ Фамилия дана в общепринятой в СССР и России транскрипции; более точно было бы — Хукер.

¹⁰ http://darwinproject.ac.uk/Letter_9923.

¹¹ http://darwinproject.ac.uk/Letter_9932.

¹² http://darwinproject.ac.uk/Letter_9938.

склоняется к компромиссу с тем, что предлагают антививисекционисты при активной поддержке королевы Виктории. Об этом он пишет Дарвину 29 апреля 1875 г.¹³ В свою очередь Дарвин сообщает Сандерсону в письме от 1 мая, что Плейфер хотел бы, чтобы билль имел более гуманный оттенок¹⁴. Ни Сандерсон, ни Гексли не были довольны таким поворотом дела. 19 мая Гексли писал Дарвину из Эдинбурга:

«Плейфер прислал мне экземпляр своего билля. И я должен с сожалением констатировать, что его нынешняя формулировка делает его совершенно неприемлемым для преподавания физиологии. Обсуждая черновик с Личфилдом, я помню, что усиленно настаивал на необходимости разрешения демонстраций опытов студентам, но был согласен, что следовало бы наложить ограничение в плане необходимости всегда давать животным наркоз в этих случаях. Второй пункт законопроекта, однако, словами „ради новых научных открытий и ни для каких иных целей“ абсолютно запрещает демонстрации любого вида. Он воспрепятствовал бы мне показать циркуляцию крови в лягушачьей лапе или биение сердца у обезглавленной лягушки... <...> Конечно, Бурдон Сандерсон не видел билля в том виде, в каком он находится сейчас. Профессора здесь все готовы дать этому биллю отпор, а поскольку газеты связали с этим биллем мое имя, я должен публично это опровергнуть, если ничего нельзя сделать с самим биллем. Но что можно сделать? Я еще не писал Плейферу, хочу услышать прежде твое мнение» (Life..., 1900, vol. I, p. 438).

Дарвин, разделяя опасения Гексли, писал Л. Плейферу 26 мая, что этот новый вариант билля может помешать демонстрациям опытов даже на животных, введенных в бесчувственное состояние, что представляется губительным для развития науки¹⁵. На что Плейфер уже на следующий день ответил, что «билль о вивисекции потерпел фиаско, потому что от него отрекся один из авторов — Бурдон Сандерсон»¹⁶. Однако и Гексли, как мы видели, тоже отрекся от билля. Фиаско случилось вовсе не из-за отсутствия единодушия в рядах «про-вивисекционной» партии. Так или иначе, эта партия хорошо поработала. В условиях напора со стороны антививисекционистов Дарвину и его друзьям удалось провести встречный билль, который привел к такому хаосу, что правительству ничего не оставалось, кроме как назначить Комиссию для более глубокого изучения этого вопроса, которое откладывало принятие закона еще как минимум на год. И как мы знаем, Гексли с готовностью ринулся в эту комиссию.

Поразительно, что большинство свидетелей, опрошенных Королевской комиссией, выразило в целом обеспокоенность той неоправданной, на их взгляд, жестокостью, которая творилась в физиологических лабораториях. Даже те, кто не признавал проблему вивисекции в Англии, были готовы признать в своих показаниях, что «во Франции дело зашло слишком далеко». Даже Бурдон Сандерсон считал, что «есть вещи, которые недопустимы с точки зрения гуманности» (цит. по: Ryder, 1989, p. 109). Негодование и протест были вызваны единственными показаниями, которые дал доктор Эммануэль Кляйн, получивший образование в Вене у профессора Страйкера и работавший в Лондоне преподавателем Медицинской школы при больнице Св. Варфоломея. Доктор Кляйн заявил Комиссии, что он никогда не использует наркоз в своих экспериментах, а если и использует, то лишь во время демонстраций опытов студентам, ради их удобства (Vuuyan, 1979, p. 86–87). Во время его опроса Гексли отсутствовал, но затем он писал Дарвину 30 октября 1875 г.:

¹³ http://darwinproject.ac.uk/Letter_9956.

¹⁴ http://darwinproject.ac.uk/Letter_9963.

¹⁵ http://darwinproject.ac.uk/Letter_9994.

¹⁶ http://darwinproject.ac.uk/Letter_9996.

«В четверг, когда меня не было, допрашивали ---- (Кляйна. — *примеч. Н. Б.*), и если то, что мне передали — это то, что он на самом деле говорил, то я могу уже отказываться от дальнейшего участия в этом деле. Мне сказали, что он, не стесняясь, демонстрировал полнейшее безразличие к страданиям животных и сказал, что дает наркоз, только чтобы их утихомирить! Я заявляю тебе, что я не верил, что найдется хоть один человек, который был бы таким вопиюще цинично жестоким, чтобы открыто утверждать такое и применять эти принципы. И я бы с готовностью согласился на любой закон, который послал бы его на каторгу. Его показания произвели на Кардуэлла и Форстера глубокое впечатление, и я бессилён побороть его (даже если бы у меня было такое желание, которого на самом деле у меня нет). Он нанес больший ущерб, чем все фанатики вместе взятые» (Life..., 1900. vol. I, p. 440).

В том же письме Гексли сообщал Дарвину, что члены Комиссии желают иметь в протоколе его мнение. Они бы не хотели подвергать риску его здоровье, но все же желательнее было бы, чтобы Чарльз Дарвин высказался перед Королевской комиссией по вопросу о вивисекции. В это время Дарвин находился в Лондоне у своего брата Эразма, проживавшего на улице Королевы Анны, куда 2 ноября 1875 г. пришла записка от Гексли:

«Мой дорогой Дарвин, наш секретарь телеграфировал тебе в Даун и послал письмо на улицу Королевы Анны. Но чтобы было наверняка, я посылаю эту записку, чтобы сообщить, что мы ожидаем тебя завтра в 14.00 в доме 13 по улице Делахэй¹⁷, и что я присмотрел самый высокий стул¹⁸, который завтра принесут для тебя» (Life..., 1900, vol. I, p. 440).

От Дарвина, собственно, требовалось лишь подтвердить для протокола то, что он и так постоянно заявлял по поводу конфликта науки и защитников животных и что уже было им изложено в его письме к лорду Кардуэллу от 29 октября 1875 г.¹⁹ Поскольку основной тезис Дарвина был довольно краток — защитить животных, не навредив науке физиологии, — то и процедура его опроса не заняла много времени. Жена Дарвина Эмма писала в письме сыну Леонарду в Новую Зеландию, что «поскольку к тем словам ему нечего было больше добавить, то на все хватило десяти минут» (Emma Darwin, 1915, vol. 2, p. 220). Она сообщала также, что с Дарвином обращались как с графом — лорд Кардуэлл лично приехал за ним домой и потом проводил до дома, выразив на прощанье благодарность. Дарвин был польщен тем, что его мнение настолько важно, что его пожелали получить для протокола.

Нам кажется, что этот протокол представляет ценность как никогда не публиковавшийся ранее на русском языке источник, поэтому мы приведем его здесь полностью.

«3 ноября 1875 г., среда

Председатель — виконт Эдвард Кардуэлл

Секретарь — Н. Бейкер, эсквайр

Члены Комиссии — лорд Винмарли; член парламента сэр Дж.Б. Карслейк; Томас Генри Гексли, эсквайр; Джон Эрик Эрихсен, эсквайр; Ричард Хольт Хаттон, эсквайр.

4661 (председатель): Мы чрезвычайно признательны Вам за то, что Вы смогли пожертвовать личными делами и прийти, чтобы высказать Комиссии свое мнение. Мы связываем Ваш приход с большим интересом, который Вы, как мы знаем, проявляете к нашему предмету, как в плане научном, так и с точки зрения гуманизма. Так ли это?

¹⁷ Адрес в Лондоне, где заседала Королевская комиссия по вивисекции.

¹⁸ У Дарвина были длинные ноги. Когда он приходил в гости к Хаксли, ему в кресло всегда подкладывали подушку, чтобы добавить сиденью высоты.

¹⁹ <http://darwinproject.ac.uk/Letter 10231>.

Д.: Да, я интересуюсь этим предметом.

4662: Кажется, Вы приняли участие в подготовке резолюций Британской Ассоциации²⁰ на ее собрании в Эдинбурге в 1871 г.?

Д.: Нет, я не имел к ним отношения. Я был рад их изданию и одобрил их, но в подготовке не участвовал. Я не был на том собрании.

4663: Но Вы подписали петицию, которая явилась их прямым следствием?

Д.: Когда их мне прислали, я, возможно, так и сделал. Я не помню. Если моя подпись стоит там, значит, я ее поставил. Я забыл уже об этом.

4664: Но Вы одобрили их от всего сердца?

Д.: Я одобрил их от всего сердца. Мне довелось их перечитать позже, когда этот вопрос начал вызывать сильное волнение в обществе. Я прочел их очень внимательно и снова горячо их поддержал.

4665: Кажется, Вы приняли некоторое участие в подготовке Билля, который в итоге был представлен в Палате общин доктором Лайоном Плейфером?

Д.: Только в подготовке. Сам же Билль не вполне отражал выводы, к которым мы пришли после консультаций с несколькими физиологами. Я полагаю, что затем Билль непредумышленно был видоизменен.

4666: Но в основном Вы были на стороне тех, кто выступал за вивисекцию?

Д.: В основном, да.

4667: Я полагаю, Вы сами никогда ни прямо, ни косвенно не имели отношения к проведению экспериментов на живых животных?

Д.: Никогда.

4668: Не будете ли Вы столь любезны заявить о своих взглядах, которые Вы желали бы сообщить Комиссии по интересующему ее вопросу?

Д.: Первое, что я хочу сказать, это что я абсолютно убежден, что физиология может достичь прогресса только посредством экспериментов на живых животных. Мне не приходит в голову ни одного достижения физиологии, которое было бы сделано без этого средства. Несомненно, многие предположения касаясь кровообращения можно было сделать, исходя из наличия клапанов в кровеносных сосудах, но уверенности, которая требуется для прогресса любой науки, в случае физиологии можно добиться только при помощи экспериментов на живых животных.

4669: Тогда мне нет нужды спрашивать Вас, что Вы думаете о том, чтобы запретить все эти эксперименты без исключения?

Д.: По моему мнению, это было бы огромным злом, потому что физиология уже приносит и еще принесет в будущем величайшую пользу человечеству, и для полной убежденности в этом есть множество причин, как рядовых, так и специальных. Я полагаю, мои слова могут подкрепить эту убежденность.

4670: Считаете ли Вы, что большинство экспериментов можно проводить в то время, когда животное полностью бесчувственно к боли?

Д.: Я верю в это, хотя должен сказать, что я не претендую на звание физиолога. В течение многих лет я читал много литературы на данную тему, как обычные трактаты, так и специальные работы, и в связи с этим я приобрел некоторые знания, но, как я уже сказал, я не претендую на то, чтобы называться физиологом, и я никогда не был связан с преподаванием физиологии. Но из того, что я знаю, исключения крайне редки, когда на полностью бесчувственном животном невозможно ставить опыт.

4671: Так Вы полагаете, что не будет благоразумным рекомендовать Королеве и Парламенту усомниться в необходимости экспериментов, болезненных по сути, но проводимых на животных, введенных в бесчувственное состояние?

²⁰ Британская ассоциация за научный прогресс (British Association for Advancement of Science).

Д.: Безусловно, не будет. Не поддается моему пониманию, как может кто-то возражать против таких экспериментов. Я могу понять, если бы индус, который возражает против убийства животных в пищу, возражал бы и против этих экспериментов, но абсолютно непостижимо для меня, на каком основании это возражение возникло в этой стране.

4672: Теперь скажите, что Вы думаете о проведении опытов без наркоза в том случае, когда тот же самый опыт мог быть проведен с наркозом, или, говоря короче, о причинении животному боли, в которой нет совершенно никакой необходимости?

Д.: Это заслуживает отвращения и омерзения.

Свидетель удалился» (Royal Commission, 1876, p. 233–234).

Некоторые исследователи отмечают, что в этом интервью позиция Дарвина звучит неопределенно (Ryder, 1989, p. 155). С одной стороны, он говорит, что не понимает возражений против убийства животных (если только они не исходят от индуса), а с другой — питает отвращение к боли, которая с этим убийством связана. Может даже сложиться ощущение, что Дарвину неловко давать показания, об этом говорят его краткие и намеренно сдержанные ответы в начале интервью и прорвавшееся в конце как бы «накипевшее», где он ссылается на «эту страну», имея в виду, скорее всего, увлечение большей части средних и верхних слоев английского общества охотой. В то же время позиция Дарвина в отношении бессмысленного причинения животным страданий звучит отчетливо: это омерзительно. Он даже употребляет два слова с одинаковым значением в своем ответе. Эту особенность манеры речи Ч. Дарвина упоминает Фрэнсис Дарвин, комментируя автобиографические записки отца. Он пишет, что эта особая манера говорить с преувеличением придавала его словам «благородный дух глубокой убежденности», как например, когда он давал показания перед Королевской комиссией по вивисекции (Darwin, 1949, p. 116).

Трудно сказать, какую роль сыграли показания Дарвина в тех рекомендациях, которые вынесла Комиссия в своем отчете. Известно, что эти рекомендации показались не удовлетворительными представителям научного сообщества. Видимо, нельзя сказать, что мнение Дарвина рассматривалось как источник для подобных рекомендаций. Имени Дарвина нет в списке тех, кто высказался «более или менее против вивисекции» (Royal Commission, 1876, p. 350). Зато в этом списке значатся имена: сэра Чарльза Белла, проф. Оуэна, доктора Уотсона, доктора Абернети, доктора Йео, нескольких представителей Британского медицинского журнала (*British Medical Journal*), доктора Эппса и мистера Брантона, который через несколько лет станет одним из инициаторов учреждения Фонда для защиты исследований, которые оказались под угрозой вследствие принятого на основании рекомендаций Комиссии закона.

В отчете Комиссии, который был опубликован 8 января 1876 г., было сказано, что полный запрет вивисекции был бы не разумным, поскольку исследования порой облегчают человеческую боль, и, кроме того, привел бы к эмиграции ученых в Европу, так что пользы животным это бы не принесло. Тем не менее Комиссия сочла, что необходимо лицензирование как для фундаментальных исследований, так и для демонстрации в учебном процессе. После такого «нейтрального», а точнее сказать, недостаточно радикального отчета обе стороны конфликта засели за составление новых биллей.

Антививисекционисты образовали новое общество, которое отправило 20 марта 1876 г. к министру внутренних дел Ричарду Кроссу депутацию во главе с великим реформатором лордом Шефтсбери. Депутация была благожелательно принята, а ее пожелания были взяты на рассмотрение. Этим пожеланиям затем придали форму билля, который был представлен в палате лордов министром колоний лордом Карнарвоном. Билль пошел во второе чтение 22 мая 1876 г., о чем Ф.П. Кобб писала:

«Никакие эксперименты никогда и ни при каких обстоятельствах не будут разрешены на собаках, кошках, лошадях, ослах или мулах; на всех других — только при условии полного наркоза с начала и до конца. Билль говорит о лицензировании, но, учитывая сказанное выше, никаких сертификатов не потребуется» (Cobbe, 1894, vol. 1, p. 652).

Билль был хорошо принят в прессе. Он включал все рекомендации Королевской комиссии, кроме процедуры апелляции в случае аннулирования лицензии. В то же время оппозиционная сторона в срочном порядке принимала меры. К этому времени относятся всего несколько писем из архива Дарвина. В одном из них, адресованном Дарвину Джорджем Роменсом 1 июня 1876 г., говорится о создании Физиологического общества, в котором Дарвин был избран первым почетным членом. Там же выражается общее мнение физиологов, что закон о вивисекции в том виде, как он представлен лордом Карнарвоном, свяжет их по рукам²¹. На это Дарвин 4 июня ответил, что безмерно гордится своим неожиданным избранием в почетные члены общества физиологов, и что он склоняется к мысли, что «выступать против фанатиков антививисекционистов — это так же безнадежно, как преграждать путь горного потока тростником. Франк, который только что приехал и брызжет слюной на эту тему, придерживается противоположной точки зрения, и, возможно, он прав. В любом случае, во мне он нашел сторонника. <...> Мне кажется, что физиологи сейчас находятся в положении преследуемой религиозной секты, и они должны скрепя зубы перенести это преследование, каким бы жестоким и несправедливым оно ни было, как они умеют это делать» (More Letters, 1903, vol. II, p. 436–437).

Однако если Дарвин, как мы видим, к лету 1876 г. явно устал от этой полемики, то остальные «лоббисты» только начали проявлять настоящую активность. Им повезло, во время рассмотрения антививисекционного законопроекта лорда Карнарвона срочно отозвали из Лондона к умирающей матери, и его отсутствие оказалось достаточно долгим. Физиологи этим воспользовались. Медицинский совет, вооруженный подписями 3000 представителей медицинской профессии, в спешке провел переговоры с Ричардом Кроссом, подав иск об изменении билля. Лорд Солсбери, позже ставший премьер-министром, оказал поддержку Бурдону Сандерсону и его союзникам, к которым теперь примкнул и Эрнест Харт, редактор британского медицинского журнала (*British Medical Journal*). Британская медицинская ассоциация тоже поддержала «экспериментаторов». Все это поставило министра внутренних дел в затруднительное положение и заставило уступить ученым, несмотря на депутацию с другой стороны, где на него давили лорд Хэрроуби, епископ Глостерский и кардинал Маннинг.

10 августа 1876 г. Кросс ввел в парламент новый билль, на который была получена королевская санкция лишь 5 дней спустя. Этот билль значительно отличался от того, на что рассчитывали антививисекционисты. Они были разочарованы, но лорд Шефтсбери уговаривал их согласиться с ослабленным биллем, хотя бы как со схемой, в которую позже можно будет вписывать поправки, которые, однако, никогда за всю историю существования этого закона не были вписаны, а потому закон этот, хотя и существенно ограничивал свободу экспериментальной физиологии, воспринимался в обществе как «хартия вивисекторов»²². Так родился Акт 1876 г., основными пунктами которого были:

1. Ограничения на любой эксперимент, подразумевающий причинение боли живому позвоночному животному.

²¹ <http://darwinproject.ac.uk/Letter10524>.

²² Подробнее о том, как из среды антививисекционистов 1870-х гг. возникло движение аболиционистов, недовольных Актом 1876 г., а также о дальнейшей судьбе этого закона и замещении его другим Актом в 1986 г. см.: Hampson, 1987.

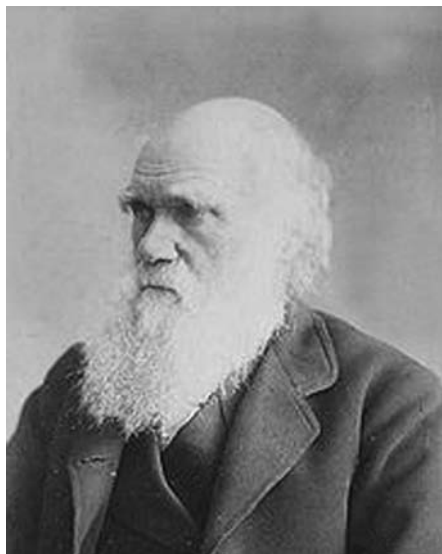

Рис. 2. Портрет 1874 г., сделанный в фотомастерской Elliott & Fry.
С сайта <http://wikipedia.com> (attachment:/69/Portraits_of_Charles_Darwin.htm)

2. Никакие опыты не разрешено проводить, кроме как с целью сделать первоначальное открытие или подтвердить знание, полезное для сохранения или продления жизни, с учетом того, что это знание будет передано студентам медицинских школ, больниц, университетов и пр. В этой связи слово «физиологический» интерпретируется в значении всей сферы биологии живых существ. Эксперименты во время лекций позволены только при наличии лицензии, как описано ниже, которая выдается только при условии истинной необходимости для передачи студентам существенных знаний.

3. Любой, кто проводит опыты, должен иметь лицензию, выданную Министерством здравоохранения. <...> Опыт должен проводиться только в месте, зарегистрированном в Министерстве. Зарегистрированные места время от времени инспектируются на предмет соответствия Акту.

4. Лицензии выдаются по рекомендации президента какого-либо известного общества и известных профессоров.

5. Во время эксперимента животное должно находиться под любым наркозом, который предотвратил бы болевые ощущения; если же боль может не прекратиться после окончания действия наркоза, или животному причинено существенное увечье, то оно должно быть убито до прихода в сознание.

6. Там, где эти ограничения повредят цели опыта, министр может сделать исключение, выдав специальное разрешение. <...>

7. Если министр сочтет, что получатель лицензии не имеет достаточной квалификации, он может принять решение, что опыт будет проводиться под руководством лица, специально назначенного для этой цели.

8. Получатели лицензий должны вести учет всех опытов и каждый год посылать министру отчет о количествах и характере экспериментов <...>²³.

Любопытно, что этот закон не удовлетворил ни одну из сторон конфликта. Дарвин же, имея огромный вес в обществе, был желанной фигурой в обоих лагерях, которые

²³ http://www.tcd.ie/BioResources/documents_general/explantly.htm (перевод — Н.Е. Бегерой)

хотели заполучить его себе в качестве «знаменосца». Мы уже описали выше срочное создание Физиологического общества и избрание Дарвина его почетным членом. Но и противоположный лагерь не оставлял попыток заручиться поддержкой Дарвина. Об этом говорят нам письма, которые Дарвин отправлял в течение нескольких последующих лет. В 1877 г. Дарвин просит сына Фрэнсиса написать от его имени о том, что он не желает присоединиться к повторной депутации по вопросу вивисекции, и снова его аргумент, все тот же самый, что «нужно защищать физиологию точно так же как животных»²⁴. В июле 1878 г. Дарвин отвечает секретарю Антививисекционного общества, что не подпишет их петицию, так как считает вивисекцию «жизненно важной для прогресса физиологии»²⁵. Через год, в июле 1879 г. брат Эразм пишет ему, что Фрэнсис Кобб через него передала письмо от антививисекционного общества, и она надеется, что Дарвин мог бы поддержать протест против повторения одних и тех же опытов.

О том, что многие антививисекционисты искренне считали, что Дарвин разделяет их взгляды, говорит переписка, которая состоялась у Дарвина с немецким иллюстратором и издателем, англичанином по происхождению, Альбертом Пэйном, который 5 декабря 1879 г. просил Дарвина высказать свое мнение о вивисекции, чтобы помочь в деле антививисекционизма в Германии:

«Как Вы, наверное, знаете, в настоящее время в Германии, особенно здесь (в Лейпциге. — *примеч. Н.Б.*) идет значительная агитация за запрещение вивисекции. А поскольку в Лейпциге есть университет, где обучаются 3000 студентов, то мнения здесь сильно разделились и ожесточились. Вивисекторы говорят, что никто, кроме представителей медицинской профессии, вообще не может судить об этом предмете, и что все представители медицинской науки в один голос считают, что вивисекция желательная, и что наука благодаря вивисекции сильно преуспела, и что всякий, кто противоречит этому — болван. Антививисекционисты, наоборот, утверждают, что медицинская наука почти ничего не получила с ее помощью, и что многие врачи так думают, и что в особенности Вы, сэр Фергюссон, и многие другие знаменитые ученые однозначно высказались против вивисекции. <...> В этом деле мне было бы существенным подспорьем, если бы Вы высказали свое мнение на изложенную мной тему, чтобы я мог потом опубликовать и распространить Ваше письмо»²⁶.

На что Дарвин ответил 10 декабря:

«Я не возражаю против того, чтобы высказать свое мнение о вивисекции. Я питаю отвращение к жестокости и ко всем физиологам, которые в своих научных исследованиях причиняют страдания, которые вызывают гнев всего человечества, и которых можно было бы избежать. Однако я согласен с тем, что физиология, которая не может обойтись без экспериментов на живых животных, является одной из важнейших Наук и приносит неограниченную пользу человечеству. Привнесла ли она уже улучшения в медицинскую практику или нет — это вопрос относительно неважный, поскольку история науки показывает нам, что польза для людей — это обычно побочный результат поиска истины. Я твердо убежден в том, что тот, кто замедляет или препятствует прогрессу физиологии, будет считаться главным врагом священного дела истинной человечности.

Если же физиологи проявляют безрассудство в своих экспериментах, которые, насколько я знаю, не являются единичными случаями в Англии, то, безусловно, их деятельность нужно проверять и наказывать с помощью общественного мнения или закона»²⁷.

²⁴ <http://darwinproject.ac.uk/Letter10747>.

²⁵ <http://darwinproject.ac.uk/Letter11619>.

²⁶ DAR 174.

²⁷ <http://darwinproject.ac.uk/Letter12349>.

В августе 1881 г. он снова был приглашен в качестве фигуры общественного значения. В этот раз в качестве почетного гостя на Медицинском Конгрессе, проводимом в Лондоне. Дело было не только в его знаменитости, хотя она и стала главной причиной его приглашения. Дарвин не так давно снова втянулся в дело о вивисекции, написав письмо в *Таймс*, где его слова о том, что «бесчисленную пользу скоро можно будет почерпнуть из физиологии», вызвали наплыв возражений от Ф.П. Кобб, Ричарда Хаттона, лорда Шефтсбери и Джорджа Джесси. В то же время они стали неожиданной удачей для науки. Дарвин вдруг оказался самой подходящей фигурой, чтобы прошеествовать перед светилами медицины, обязанными прибыть на конгресс.

К этому периоду относится переписка Дарвина с Дж. Роменсом и Лаудером Брантоном, который стал, как мы уже писали выше, одним из основателей Фонда защиты исследований в связи с делом доктора Феррье, против которого в ноябре 1881 г. представители Антививисекционного общества завели судебное дело, в исполнение Акта 1876 г. Обвинение строилось на том, что Феррье проводил эксперименты без лицензии, а суть экспериментов состояла в изучении функций мозга на обезьяне. В научном мире симпатии к Феррье были велики, и в письмах мы видим, как обеспокоен Дарвин фактом этого разбирательства. Он обращался к Брантону с просьбой помочь ему сдать деньги по подписке на оплату защиты доктора Феррье в суде, на что Брантон ответил, что эти расходы уже взяла на себя Британская медицинская ассоциация (*More Letters*, 1903, vol. II, p. 437–440).

Вплоть до самой своей смерти Дарвин был втянут в дебаты о вивисекции. Последнее письмо, адресованное Лаудеру Брантону, Дарвин отправил в феврале 1882 г. Хронологически в этой полемике для Чарльза Дарвина оно — последнее. Если мы посмотрим на его содержание, то оно как будто бы соответствует духу всех прочих аргументов, уже приводившихся в этих дебатах и письмах. Дарвин спрашивает, читал ли Брантон статью об этике боли в журнале *Fortnightly Review* и статью в журнале *Cornhill Magazine*, которая символично называлась «Последнее слово о вивисекции». Он пишет, что согласен почти со всем, а это значит, что мы снова видим ту сторону его личности, где царит милосердие и любовь к животным. Но он тут же добавляет, что не может принять мысли автора о том, что нельзя проводить никаких опытов, если они не принесут немедленной пользы. Дарвин считает такой подход «гигантской ошибкой, противоречащей всей истории науки» (*Life...*, 1887, vol. III, p. 210). Здесь мы вновь видим, как другая черта личности Дарвина — его трепетное отношение к науке и научности — берет верх. И нам остается лишь догадываться, что на самом деле чувствовал Чарльз Дарвин в отношении живых существ, которых он наделил сознанием и способностью страдать; верил ли он в прогресс любой ценой, и была ли эта непоколебимость в отношении научного прогресса обусловлена его заботой о будущих поколениях человечества или же любовью к чистому фундаментальному знанию.

Литература

Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства / Пер., предисл., примеч. Б.Г. Капустина. М.: Росспэн, 1998. 415 с.

Дарвин Ч. Избранные письма / Сост., пер. и примеч. А.Е. Гайсиновича; под ред. Н.И. Фейгинсона. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. 390 с.

Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера: (Автобиография). Дневник работы и жизни / Пер. вступит. ст. и коммент. С.Л. Соболя. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 251 с.

Ирвин У. Обезьяны, ангелы и викторианцы. Гексли и эволюция / Пер. с англ. М. Кан. М.: Молодая гвардия, 1973. 463 с.

Bowlby J. Charles Darwin: A New Life. NY; London: W.W. Norton&Company, 1992. 511 p.

Browne J. Charles Darwin: The Power of Place. Volume II of A Biography. London: Jonathan Cape, 2002. 591 p.

Bynum W.E. Science and the Practice of Medicine in the Nineteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 280 p.

Cobbe F.P. Life of Frances Power Cobbe. London: Richard Bently, 1894. Vol. 1, 2.

Darwin Charles. Autobiography of Charles Darwin. With Two Appendices Comprising a Chapter of Reminiscences and a Statement of Charles Darwin's Religious Views by His Son Sir Francis Darwin. London: Watts & Co, 1949. 154 p.

Darwin Emma. A Century of Family Letters, 1792–1896 / Ed. by H. Litchfield. London: John Murray, 1915. Vol. 2. 326 p.

Desmond A. The Politics of Evolution. Morphology, Medicine and Reform in Radical London. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 503 p.

Desmond A., Moore J. The Life of a Tormented Evolutionist. NY; London: W.W. Norton&Company, 1994. 808 p.

French R.D. Antivivisection and Medical Science in Victorian Society. Princeton, NY: Princeton University Press, 1975. 425 p.

Guarnieri P. Moritz Schiff (1823–1896): Experimental Physiology and Noble Sentiment in Florence // Vivisection in Historical Perspective / Ed. by N.A. Rupke. London, 1987. P. 105–122.

Hampson J. Legislation: A Practical Solution to the Vivisection Dilemma? // Vivisection in Historical Perspective / Ed. by N.A. Rupke. London, 1987. P. 315.

Life and Letters of Charles Darwin. London: John Murray, 1887. Vol. III. 424 p.

Life and Letters of Thomas Henry Huxley. By His Son Leonard Huxley. London: Macmillan, 1900. Vol. I. 458 p.

More Letters of Charles Darwin. By Francis Darwin. London, 1903. Vol. II. 508 p.

Rachels J. Created from Animals: The Moral Implications of Darwinism. NY: Oxford University Press, 1991. 256 p.

Rowan A.N. Of Mice, Models and Men: A Critical Evaluation of Animal Research. Albany: State University of NY Press, 1984. 323 p.

Royal Commission on Vivisection Report. With Minutes of Evidence and Appendix. — London: Printed by George Edward Eyre and William Spottiswoode, printers to the Queen's most excellent majesty, for Her Majesty Stationery Office, 1876. 1397 p.

Ryder R.D. Animal Revolution: Changing Attitudes toward Speciesism. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 284 p.

Turner J. Reckoning with the Beast. Baltimore: John Hopkins University Press, 1980. 224 p.

Victorian Science in Context / Ed. by B. Lightman. Chicago; London: University of Chicago Press, 1997. 489 p.

Vivisection in Historical Perspective / Ed. by N.A. Rupke. London: Routledge, 1987. 373 p.

Vyvyan J. In Pity and in Anger: A Study of Use of Animals in Science. London: Michael Joseph, 1979. 167 p.

Charles Darwin, Vivisection and the History of Victorian Science

NATALIA E. BEREGOV

St. Petersburg Branch, S.I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology, Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russia; beregoi@mail.ru

The vivisection is not a side issue in the history of science of the 19th century. The role of Charles Darwin is crucial in this story. In 1870-s England faced what was called by many a “vivisection agitation”. Darwin refused to sign a petition against laboratory experiments on living animals because the proposed system of licensing was from his point of view, too restrictive. He was very enthusiastic when he began to compose a counter-petition. The voluminous correspondence that remained from that period tells us how much he was involved in this debate. In the year 1875 when major controversy took place, Darwin wrote 22 and received 19 letters regarding this question. In November 1875 he gave his evidence before the Royal Commission on vivisection, and it was recorded for the minutes. From the next year when the Bill on vivisection was passed in the Parliament we have only 5 Darwin’s letters where vivisection was mentioned. Charles Darwin was involved in polemics in some way or another until his last days, and his correspondence shows us that he had not changed his mind over years. In February 1882 he repeated his main argument again “we should protect the science as well as animals”.

Keywords: Charles Darwin, vivisection, physiology, Parliament, Royal Commission of vivisection, progress of science.